

Л. А. Жданова

НАРОД И НАЦИЯ: СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ И КОНЦЕПТОВ

Концепты народа и нации относятся к числу базовых для русского языка, для картины социального мира концептов. Одной из особенностей концептуального подхода является анализ не просто лексического значения слова, но единого концепта, обращенного как к языку, к слову, так и к внеязыковой действительности, к человеку. Это предполагает исследование не только слов, но и представлений носителей языка о соответствующих фрагментах внеязыковой действительности во всей их сложности, иногда размытости и противоречивости, изучение так называемой «наивной» картины мира.

Нация и народ: сложное понятие и «культурное» слово. Слова *народ* и *нация* обозначают некоторую совокупность людей, в отдельных случаях одну и ту же (ср. одно из значений слова *народ*: «нация, национальность, народность»). Дефиниция *народа* очень проста: «жители той или иной страны, государства как целое». Для *нации* же в толковых словарях приводится сложное развернутое определение, в котором выдвигается множество условий (общность языка, территории, экономической жизни, психического склада, культуры и пр.)¹.

Народ является исконно русским словом и, следовательно, более «прозрачным», органичным для носителя языка. «Исконность слова предопределяет его тесную связь с национальным менталитетом, значительное число производных и широкий диапазон сочетаемости» [Воробьева 1990: 21]. *Нация* же, во многих случаях совпадая с *народом* в обозначаемом, является, по существу, термином, нуждается в развернутом определении, практически не свойственна разговорной речи.

Народ по своим специфическим лингвистическим особенностям является «культурным» словом, так как за ним стоит определенная концепция именно русской культуры, в содержании концепта отразился русский менталитет и исторические реалии. «Эти [«культур-

¹ Ср.: *народ* — 1) население, жители той или иной страны, государства; 2) нация, национальность, народность; 3) основная трудовая масса населения страны (в эксплуататорских государствах — угнетаемая господствующими классами); *нация* — 1) исторически складывающаяся на основе капиталистического или социалистического способов производства устойчивая общность людей, связанная общностью языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющаяся в общности культуры и форм быта; государство, страна.

Здесь и далее словарные толкования приводятся по «Словарю русского языка» в 4-х томах (М., 1981–1984), в дальнейшем сокращенно: МАС.

ные] слова (типа Истина, Судьба, Душа, Свобода) определяются в рамках некой духовной культуры — если термины легко перекодируются с одного языка на другой, то перекодирование этих слов из одной культуры в другую связано с большими, часто непреодолимыми трудностями» [Мороховский 1990: 54]. Семантика *народа*, как и семантика других «культурных» слов, настолько сложна, что не может быть исчерпана лексикографическими или энциклопедическими толкованиями. Характерным для *народа* как «культурного» слова является отсутствие единой трактовки понятия, субъективная модальность, поисковые вопросы, тяготение к характеристике. Ср. отрывок из интервью²:

— Что такое, по-вашему, *народ*?

— *Народ* — это смотря как посмотреть на него. Для одних *народ* — это материал, чтобы самому возвыситься. Для других *народ* — ... Для третьих — ... А для меня *народ* — это то, что дает каждому из нас корни...

Народ и нация в наивной картине мира: общедоступность и избирательность. Концепты народа и нации существенно отличаются друг от друга. В «наивной» картине мира *народ* вбирает в себя всех, кто «народился», кто сам причисляет себя к народу. Для включения в *народ* не выдвигается никаких дополнительных условий, для него характерна неоговоренность признаков, нерациональность. *Нация* же предусматривает соответствие «претендента» целому ряду признаков (что, собственно, и фиксируется словарями). Эта идея соответствия неким критериям находит продолжение в разговорах о чистоте *нации* при отсутствии в языке самого сочетания *чистота *народа*. *Народ* безусловен, принадлежность к нему не может быть определена при помощи каких-либо признаков или параметров, и если принадлежность к *нации* иногда приходится доказывать, то *народ* открыт для всех (хотя некоторые могут сами от него *отрываться, отгораживаться* — обычно о представителях власти). Таким образом, в концепте *народа* доминирует идея общедоступности, «открытости», внеличностности, равенства для всех, а в концепте *нации* — избирательности, «закрытости»³.

«Наивные» представления о *народе* и *нации* зафиксированы в следующих высказываниях: *народ* — *Всюду в них [городах и посел-*

² Все примеры взяты из современной прессы (газеты «Комсомольская правда», «Московский комсомолец», «Аргументы и факты» и др.), а также из словарей.

³ Ср. также устаревшее употребление прилагательного *народный* в значении «общедоступный»: *народная школа, народная гимназия, народное училище, народный дом* [МАС], с другой стороны, *национальный* употребляется в сочетаниях типа *национальная п-ская школа* со значением избирательности.

ках] трудятся и обитают люди, разные, самобытные, со своими правами, характерами и стремлениями. Все вместе они составляют народ — могущественный, богатырский. [МАС]; **нация** — национальное... потому и является таковым, что оно выделяет особенное среди всеобщего, соотносит одну общность людей с другой...

Таким образом, народ осмысливается как 'совокупность различий', а нация — как 'тождество признаков'. Национальное — то общее, что объединяет ее представителей в одно целое, в обособленный от других наций монолит. Народ принимает всех такими, какие они есть, во всем многообразии проявлений и характеристик, для нации же релевантны только те признаки, которые «выделяют особенное среди всеобщего».

Включение в нацию происходит при соответствии формальному набору признаков в отвлечении от всех остальных. Эти признаки могут проявляться в разной степени. Когда они проявляются «в меру» — речь идет только о принадлежности к нации, если же «сверху» — о национализме, и в этом случае у соответствующего прилагательного появляются степени сравнения: *более русский, самые украинские украинцы, чересчур молдавские молдаване* (примеры из прессы).

В коллективном сознании народ наднационален, т. к. не предполагает формальных критериев отбора. Внутри народа могут объединяться несколько наций, которые в случае своего самоутверждения способны такой народ *разрушить, уничтожить* (как это случилось с советским народом). Ср. также контекст, где народ употребляется в переносном значении, но в полном соответствии со структурой концепта: *Еще, кажется, вчера существовал такой народ бакинцы — славный народ... Потом армянские бакинцы были вырезаны или изгнаны из Азербайджана, а русские, украинские и еврейские бакинцы от этих дел разбежались кто куда. И вот что же мы видим в результате? Ни один новый народ не родился... но одного, по крайней мере, не стало... А что будет с нашей Москвой, если осуществится здесь бредовый лозунг «Россия только для русских»? Если тут останутся жить только такие русские, то московскому-то народу куда податься?... Безумие напало на нации, которые бросились уничтожать народы.*

Оппозиция себе подобным и бытие вне ряда. В концепте нации присутствует, помимо идеи избирательности, идея изначальной обособленности от себе подобных образований. Нация возникает из оппозиции всем остальным нациям, из осознания своей отдельности, самобытности, особенности. Противопоставленность другим нациям является для нее пресуппозицией. У народа нет внешней оппозиции другим народам, он возникает не из нее, а «из себя», он самодостаточно. Каждый народ существует как бы сам по себе, вне ряда, он един

ичен и ничему не противопоставлен (ср. сочетание *семья братских народов*). Он стабилен, существует как данность. Нация же находится в процессе постоянного самоутверждения. Это различие отражается и в сочетаемости: *национальный театр, музыка, искусство, одежда, танец* и т. п. — 'символизирующий данную нацию, свойственный только ей, специфичный, обладающий именно ее отличительными признаками'; *народный театр, музыка, искусство, одежда, танец* и т. п. — 'не авторский, свойственный широким массам, неофициальный'. Ср. также: *народный испанский танец*. В этом сочетании нет противопоставленности народным танцам других национальностей. Акцент делается на оппозиции «народный — авторский». *Национальный испанский танец* — здесь на первый план выдвигается оппозиция «испанский — не испанский», присутствует идея особенности, отличности от других национальных танцев. Логическое ударение падает на слово *испанский* (именно этой, а не другой нации). В этой же связи ср. *национальный гимн, флаг, герб*, где *национальный* равно по значению *государственный*. Как для государства, так и для нации актуальна отделенность их от других аналогичных образований, понятие границы. Соответственно и государство, и нация способны иметь свой символ, выражающий их самостоятельный статус. Невозможность сочетаний **народный герб, гимн, флаг* в том же значении объясняется, с одной стороны, отсутствием в концепте народа идеи внешних границ, критериев отбора, а с другой — наличием у народа смыслового компонента 'неофициальный' и противопоставленности власти вообще.

Нация, народ, власть. Таким образом, для нации релевантна внешняя оппозиция по национальному признаку при внутренней целостности, в концепте же народа при отсутствии внешней оппозиции представлено сложное внутреннее противопоставление «народ — власть». Так, в высказываниях *народ и партия едины, народ нас не поймет, обманывать народ, выйти к народу* слово *народ* нельзя заменить словом *нация*, так как нация — единое целое, и правители являются ее частью, не противопоставляясь ей. В концепте же народа присутствует генетическая оппозиция власти и власти имущим, которая оформлена в отдельное значение соответствующей лексики (*народ* — 2. основная трудовая масса населения страны (в эксплуататорских государствах — угнетаемая господствующими классами [МАС]), отражена в словообразовании (*простонародный*), в сочетаемости (*простой народ, обманывать народ, обещать народу, оторваться от народа* и т. п.). Оппозиция «народ (объект власти) — государство, правительство, власти и пр. (субъект власти)» ориентирована «по вертикали» в соответствии с общим для всей политической лексики значением

вертикальной оси⁴. (Ср. также авторскую «игру» с ориентационными метафорами: *...ниже народа земля, выше правительства — вечные снега, там ничего живого уже не водится... Выше правительства сияние, ниже народа — кладбище*⁵).

Оппозиция «народ — власть» в настоящее время оказывается наиболее востребованным современной публицистикой фрагментом концепта. Приведем лишь некоторые примеры: *Наша Дума, похоже, отгородилась от народа и избирателей бюрократической стеной. Если правительство систематически подавляет основные права человека, народ имеет право на восстание. А может, это был неизбежный крах власти, не услышавшей голос собственного народа. Правительство может ошибаться, но лгать народу не имеет права. Над нацией же если и есть власть, то на национальном уровне, обусловленная внешней оппозицией другим нациям. Концепт нации вводит пропозицию с двумя участниками (нациями) и отношением неравноправия между ними, иногда трансформирующимся во властное отношение (великодержавный, шовинизм, дискриминация, апартеид).*

Внутренняя членимость и компактность. Аксиологические смыслы. Наличие внешней оппозиции у нации и отсутствие ее у народа проявляется также в том, что нация входит в один ассоциативный (и отчасти словообразовательный) ряд с расой, расизмом, национализмом, шовинизмом и другими -измами вплоть до нацизма. У народа нет подобных дериватов и ассоциативных рядов. Народ нейтрален, не

⁴ См. об этом подробнее: [Жданова 1996].

⁵ Примечательно, что народ, однозначно представляемый коллективным сознанием как объект государственной власти, представляется одновременно идеальным источником права на власть. Содержание компонента «право на власть» является не универсальным, определяется для каждого конкретного социума общественно-историческими условиями, традицией, религиозными воззрениями и пр. и может меняться со временем. Так, в примитивных обществах правом на власть считалось «право сильного», затем в качестве источника и гаранта власти рассматривались высшие силы, божественное начало. (Например, у В. И. Даля четыре из семи примеров к слову *власть* апеллируют к Богу: *Великая власть от Бога; Всякая власть от Бога; Всякая власть Богу ответ дает; Бог дает тому власть, кому похочет* [Даль 1981, т. 1: 213]). В современных цивилизованных обществах превалирующим является представление о народе (в общем случае — о совокупном объекте власти), который наделяет отдельных своих представителей властными полномочиями (*народ дает власть, доверяет власть*). Об универсальности данного представления для большинства людей 20 века, живущих в различных государственно-политических системах, свидетельствует практика апелляции к выборам как к подтверждению законности власти даже и в тех случаях, когда субъект власти может быть охарактеризован как *деспот, тиран или диктатор*. Сами выборы в таком случае носят формальный характер и значимы скорее на символическом уровне (в рамках государства — на уровне идеологии). Наоборот, для провозглашения незаконности власти достаточно обозначить ее как *антинародную*.

предполагает никаких специфических ситуаций, нация же вводит ситуацию противопоставленности внешней силе и поэтому воспринимается носителем языка несколько настороженно. Можно сказать, что народ живет, а нация все время за что-то борется (ср. *национальная рознь, вражда, гнет* при отсутствии в языке **народной розни, вражды, гнета*). Примечательно, что в аксиологическом плане народ абсолютно положителен, он не может оказаться «плохим» ни в каком случае. Народ мыслится как «я + все другие», то есть «мы» — «множество», осознаваемое как «целое». Нация же всегда индивидуальна, соответствует «я», что наглядно проявляется в сочетаемости. Ср.: *интересы, права, привилегии, самобытность, особенность, судьба, здоровье нации* (во всех случаях возможна замена на *личность*). Показательно распределение в сочетаемости прилагательных *народный и национальный*. *Национальный* — *костюм, одежда, головной убор, украшение* — то есть то, что может надеть один человек; *народный* — *сказка, примета, мудрость, праздник, гулянье, песня, преданье* (т. е. коллективное деяние, результат коллективного творчества или деятельности).

И народ, и нация обозначают совокупность, но нация компактна, целостна, имеет нечленимую внутреннюю фактуру, народ же внутренне дискретен (равен «мы»), в нем высвечена идея коллектива, множества с вычленимостью из него отдельной личности или группы. Ср. высказывания: *Это уж не по поводу всего народа (что само собой разумеется), это по поводу практически каждого отдельно взятого человека*. Возможно даже противопоставление всего народа отдельным личностям или группам, составляющим его. Ср.: *«Печатные» частушки писал не народ, а ремесленники из числа неудавшихся бездарных поэтов*. Характерны контексты с отождествлением *народ* и *мы*: *Неужели мы все как народ настолько уже деградировали, что не найдемся среди нас... Оказалось, что и народ мы не самый читающий...* В сочетаемости слова *народ* привлекает внимание наличие атрибутов с мажоративным значением: *великий народ, народ-победитель, народ-герой, могучий, талантливый, гостеприимный, трудолюбивый народ* (все это применительно к своему народу). Говорящий может отзываться о своем народе как о *великом*, не допуская бестактности, т. к. он говорит не о «я», а о «мы», не о себе, а о множестве. Когда же речь идет о нации, то в силу недискретности ее внутренней фактуры говорящий не может от нее дистанцироваться, и *великая нация* воспринимается как «великий я», что наводит на мысли о нелояльности говорящего по отношению к другим нациям. Народ не бывает «плохим», т. к., будучи дискретным множеством, он не несет в коллективном сознании ответственность за деяния своих представителей. Характерны в этой связи высказывания: *народ всегда прав, народ здесь ни при чем, «плохих»*

народов не бывает, а также армия воюет не с боевиками, а с целым народом (в качестве доказательства преступности действий армии).

Связь с менталитетом. Народ является в коллективном сознании одной из базовых ценностей наряду с родственными ему понятиями «родина» и «родители». У нации отсутствует тесная связь с национальным менталитетом отчасти в силу заимствованного характера лексемы и отсутствия у нее разветвленной системы связей в языке, отчасти из-за ее терминологичности, «непроработанности» концепта в коллективном сознании. К тому же народ представляет обозначаемое множество людей во всем их многообразии, реализуется как в национальной сфере (народ борется за свои национальные права), так и во всех остальных.

Народ является, таким образом, более универсальным понятием по сравнению с нацией, которая в некотором смысле специфична, т. к. раскрывает обозначаемое множество людей как носителей одного основного признака — их национальности. Возможно, и этим тоже объясняется то, что народ более «материален», и, в отличие от нации, может быть объектом конкретных физических действий. Ср.: Обратиться к нации, но выйти к народу; переселение, депортация народа (но не нации); До сих пор он не стрелял по народу (но не по нации); ...Воевать с целым народом (но не с нацией). У народа сильнее по сравнению с нацией проявляется «привязанность к территории». Ср.: народ Чеченской республики, чеченский народ, но только чеченская нация (нельзя — *нация Чеченской республики). Народ ограничен административно-территориальными или государственными границами (поэтому возможен московский народ, приднестровский народ, одесский народ, нация же существует вне и независимо от административно-территориального деления).

Персонификация: метонимия и метафора. Концепт нации в «наивной» картине мира однозначно персонализирован в том смысле, что нация характеризуется по тем же параметрам, что и отдельная личность (здоровье нации, судьба, привилегии, права, стареющая нация, капризная нация). Однако, как нам кажется, в большинстве случаев подобные употребления не выходят за рамки метонимии. Собственно метафорическая модель ЧЕЛОВЕК применительно к нации недостаточно проработана.

Народ также осмысливается в рамках этой модели, которая в данном случае имеет большое количество «следствий», авторских разнотий метафоры. Ср.: жизнь, голос, стремление, одобрение, требование, дело, труд, поддержка народа. Народ верит, борется, отвергает, стремится... Из прессы: ...быт, мировоззрение и основные события в жизни русского народа; Благословение шло от сердца народного; На

род прозвища дает не в бровь, а в глаз; Народ с такими духовными традициями не может быть агрессором. Более того, я всегда восхищался его терпением; Нельзя победить народ, который зимой ест мороженое; Глубокая искренняя вера позволяла народу терпеть; Народ в основном пассивен и испытывает апатию к происходящему; ...древняя, вошедшая в дух и плоть народа, традиция почитания предков. Таким образом, народ предстает как носитель и духовного, и телесного начала, является носителем различных психофизических характеристик в рамках метафорической модели ЧЕЛОВЕК. Возможно дальнейшее развитие метафоры в самых разных направлениях в зависимости от тех признаков человеческого бытия, которые берутся за основу. Жизнь народа описывается, например, так: Ни один новый народ не родился, ни один, ранее на грешной Земле пребывавший, не возмужал, не поумнел в этом катаклизме.

Метафора может получать дальнейшее развитие в приписывании народу, например, болезней: ...целый народ, до этого давший человечеству Гете и Бетховена, полтора десятка лет страдал буйной шизофренией... Народ может являться субъектом и объектом различных интерперсональных отношений, специфически межличностных (например, в ситуации купли-продажи). Еще ни один народ не купил себе свободы приятными рассуждениями и моральными доводами; Я не стал обвинять народ, что он купился на чай; Народ вынужден расплачиваться за ошибки правительства.

‘Народ’ ориентирован коллективным сознанием в пространстве, способен занимать место как в горизонтальной (международный), так и в вертикальной плоскости, однако положение на вертикальной оси имеет в структуре концепта приоритетное значение. В вертикальной плоскости народ всегда расположен внизу (ставить себя над народом), являясь стандартным объектом властного отношения. Вся оппозиция «народ — власть» ориентирована в вертикальной плоскости, где власть всегда расположена над народом. Однако «низлежащее» положение народа осмысливается в «наивной» картине мира не только как зависимое, но и порождает метафору земли, корней: Для меня народ — это то, что дает каждому из нас корни... И если ты за народ, то сам никогда не возвысишься над ним, не оторвешься от земли.

Кроме основной метафорической модели ЧЕЛОВЕК в концепте народа реализуется также мыслительный образ некоего локуса с очерченными границами (выйти из народа, выходец из народа, оторваться от народа).

Народ, нация, общество. Концепты народа и нации, будучи связаны с концептом общества, несут в себе некий отпечаток структурной организации последнего, а именно членения по партийному

и стратификационному признакам. Народ тяготеет к стратификационному членению, что отражается как в лексикографии (ср. 2-е значение слова *народ*), так и в сочетаемости (*простой, трудовой, угнетенный народ*), а также в авторских употреблении: [*Революция*] в культурном смысле соответствовала отрезанию от народного туловища интеллигентской головы... Если есть еще в России интеллигенция, то ее священный долг предостеречь свой народ. Нация не имеет «валентности» на стратификационное деление, однако тяготеет к признаку партийной принадлежности и является основой для образования всевозможных -измов (*национализм, нацизм, национал-социализм, национал-патриотизм* — ряд является открытым). Ср.: Доминирующее положение захватили национал-коммунисты или национал-демократы, принадлежащие к титульной нации.

Народ и нация: бытие во времени. Народ и нация принципиально исчислимы (*миллионный народ, нация*), один раз возникнув, тождественны себе на протяжении всей своей истории независимо от претерпеваемых количественных или даже качественных изменений. Народ и нация, подобно человеку, не могут переродиться, но могут лишь перестать существовать совсем или дать жизнь другим народам (нациям). Исчезновение народа или нации является необратимым и квалифицируется как трагедия. Они изначально единичны и неповторимы. Показательно в этой связи отсутствие у народа (нации) распространителей с темпоральным значением (*прежний, прошлый* и т. п.) в отличие, например, от общества, которое способно обозначать ту же совокупность людей, что и народ и нация. Общество существует «здесь и сейчас», неединично ни во времени, ни в пространстве. Общества последовательно сменяют друг друга на временной оси и одновременно сосуществуют, будучи ограничены рамками государств. Общество детерминировано властным отношением (в рамках государства или его аналога), и поэтому при неизбежной смене субъекта власти, как правило, исчезает старое общество и появляется новое. Различия темпоральной структуры концептов общества и народа/нации проявляются в том, что последовательность обществ во времени имеет «национальную» принадлежность (Ср.: *русское общество середины 19 в./конца 18 в., французское общество 1-й четверти 20 в., современное монгольское общество* и т. д. Характерно, что применительно к народу возможно лишь *русский народ в середине 19 века...*, но не **народ середины века*).

Таким образом, каждый народ (нация) за свою историю проходит через целую череду генетически связанных обществ (точнее, связей между ними состоит в преемственности власти, относительной общности территории и ее обитателей, т. е. населения, народа, нации).

В терминах метафоры СТРОИТЕЛЬСТВО бытие общества на оси времени можно представить как разрушение старых и возведение новых общественных зданий одними и теми же строителями (одним и тем же народом, нацией).

Народ и нация: бытие во времени слов и концептов. Народ, будучи исконным словом, сохраняет свои основные признаки на протяжении веков, уточняя и обогащая свое лексическое и концептуальное содержание с течением времени. Так, у В. И. Даля *народ* определяется как 'люди, народившийся на известном пространстве; люди вообще; язык, племя; жители страны, говорящие одним языком, обыватели государства, страны, состоящие под одним управлением; чернь, простолюдыне, низшие, податные сословия; множество людей, толпа.' [Даль 1981, т. 2: 460]. В этой дефиниции отражены в общих чертах те параметры, по которым народ осмысливается и в настоящее время ('множество людей', значение 'низший', 'простой', статус объекта власти).

У В. И. Даля *народ* сопоставляется с обществом и миром (ср. *народский* — 'народу, обществу, миру свойственный, принадлежащий' [Там же: 462]). В современной системе языка *народ* входит в иной субститутивный ряд: *население, нация, общество* (в модифицированном по сравнению с зафиксированным у В. И. Даля значении), в ряде контекстов — *электорат, демос* (Ср.: ...не знают ни организаторы, ни сам демос, то бишь народ, или, как его сейчас мудрено называют, электорат; — А в Думе тебя народ видеть не захотел. — Не народ, а электорат; С народом работать легко, а с электоратом трудно).

Нация в русском языке обладает гораздо меньшей по времени историей, но значительно большим приращением значения и расширением сферы употребления. Еще во 2-й половине 19 века *нация* осознается как заимствование с общим значением 'народ': «*нация* — лат. *patio* от *pasci*, рождать. Народ» [Михельсон 1883: 457]; «*нация* фрн., народ, в обширном значении, язык, племя, колено, однородцы, говорящие одним общим языком, все сословия» [Даль 1981, т. 2: 493]. Примечательно, что уже у В. И. Даля отмечается всеобщность, нерасчлененность нации. Тем не менее очевидно, что в то время *нация* не обладала специфическим значением и концептом (косвенно об этом говорит отсутствие примеров в словаре В. И. Даля).

Таким образом, в динамическом аспекте концепт народа отличается стабильностью и «вработанностью» в русское языковое сознание. *Нация* же, за последние сто лет специализировав значение и приобретя достаточно сложную концептуальную структуру и резко возросшую употребительность, обладает тем не менее достаточным динамическим потенциалом в связи с очевидной востребованностью понятия и концепта, но недостаточной его проработанностью.

Литература

- Воробьева О. П. «Творчество»: взгляд сквозь призму научного, обыденного и поэтического сознания // Концептуальный анализ: методы, результаты, перспективы: Тезисы докладов конференции. М., 1990.
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1981.
- Жданова Л. А. Общественно-политическая лексика: структура и динамика. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1996.
- МАС: Словарь русского языка в 4 тт. М., 1981–1984.
- Михельсон М. И. Объяснительный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с объяснением их корней. М., 1883.
- Мороховский А. Н. «Культурные» и «некультурные» слова // Концептуальный анализ: методы, результаты, перспективы: Тезисы докладов конференции. ИЯ АН СССР, М., 1990.

И. А. Марфунина

СЕМАНТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ СРАВНЕНИЯ И ЕЕ СИНТАКСИЧЕСКОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ

(НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА В. НАБОВОКА «ДРУГИЕ БЕРЕГА»)

Сравнение как семантическая категория репрезентируется в грамматическом строе языка (прежде всего в синтаксическом), а также в сфере функционально-прагматической (стилистической). При этом представляет интерес изучение как грамматического оформления категории сравнения, так и использования средств выражения этой категории в языке художественных произведений.

Обращение к прозе В. Набокова не случайно: было бы недостаточным сказать, что активное использование категории сравнения — это яркая, специфическая черта его произведений; сравнениями они насыщены до такой степени, что их можно было бы считать избыточными, если бы они не были так оригинальны и выразительны. Приведем лишь один пример¹:

Когда же все запасы и заготовки были сделаны, гениальность исчезла, как оно бывает с вундеркиндами в узком значении слова — с каким-нибудь кудрявым, смазливym мальчиком, управлявшим оркестром или укрощавшим гремучий, громадный рояль, у пальмы, на освещенной, как Африка, сцене, но впоследствии становящимся совершенно второстепенным лысоватым музыкантом, с грустными глазами и какой-нибудь редкой внутренней опухолью и чем-то тяжелым и смутно-уродливым в очерке *евнушских* бедер (457).

В этом отрывке речь идет об особой одаренности детей вообще и автора в частности в раннем возрасте и о постепенной утрате этой одаренности в большинстве случаев в дальнейшем. Эта мысль реализуется посредством развернутого сравнения, своеобразие которого состоит в том, что, грамматически оформленное как придаточное сравнительное (союз *как*), оно содержит в своей структуре еще и другие формальные средства, выражающие сравнение, а именно сравнительный оборот *как Африка* и притяжательное прилагательное *евнушских*, синонимичное обороту *как у евнуха*. Пример свидетельствует об использовании для выражения мысли разных языковых единиц:

¹ Здесь и ниже примеры из романа В. Набокова «Другие берега» приводятся по изданию: Владимир Набоков. Рассказы. Воспоминания. М.: Современник, 1991. Во всех других анализируемых текстовых фрагментах сохраняется авторская орфография и пунктуация.